

А. М. Мелихов¹

«КОММУНАЛКА» КУЛЬТУР

В либеральном мире возникла риторика, в которой диалог и толерантность предстают такой же панацеей, как диктатура пролетариата — в марксизме-ленинизме. Однако мне представляется, что толерантными и прагматичными бывают только победители, желающие спокойно наслаждаться плодами своего успеха. Победенные же всегда их ненавидят и сочиняют самоутешительные сказки в том духе, что проиграли они исключительно из-за своего великодушия и благородства, а победители восторжествовали над ними только потому, что были подлыми и безжалостными. Увеличить толерантность в нашем мире можно, лишь уменьшая количество людей, которые ощущают себя побежденными. Однако ни на одном пьедестале почета не могут разместиться все желающие — иначе он перестанет быть пьедесталом...

Но можно ли предоставить каждому народу, каждой цивилизации отдельный пьедестал? Именно этим народы занимаются в периоды своего становления: каждый из них создает свою культуру, свой пьедестал для самовозвеличивания и сохраняет жизнеспособность лишь до тех пор, пока в нем живет эта коллективная греза. Поэтому вопреки либеральному катехизису национальные культуры не сближают, а, напротив, наиболее остро разобщают нации. Не респектабельные космополитические «вершки» культур, но полубессознательные «корешки» предвзятостей и преданий, «обосновывающих» убежденность (всегда иллюзорную) каждой нации и включающей ее цивилизации, что именно она «самая-самая», — ради этой убежденности они и создаются.

Компромиссный диалог возможен при дележе прибыли, но не на конкурсе красоты. А состязание народов больше похоже на конкурс красоты, чем на торг дельцов. Нации создаются и объединяются в цивилизации не ради достижения каких-то практических материальных целей — для этого существуют промышленные и финансовые корпорации, включая криминальные, а ради обретения (всегда иллюзорного) чувства избранности, уникальности, причастности к чему-то прекрасному, почитаемому и долговечному. Но представляете общество, в котором избранными себя считают все? Когда имеет место конкуренция не прибылей или технологий, а вымыслов?

Увы, вопреки либеральным сказкам, чем больше народы соприкасаются, чем лучше узнают, тем силь-

нее раздражают друг друга. Каждый начинает понимать, что его возвышенному образу самого себя нет места в мире другого, что другой, точно так же, как и он сам, прибегает к наиболее возвышенным чувствам для себя самого. Конфликты грез нельзя преодолеть никаким «воспитанием толерантности», ибо толерантность является не самостоятельным качеством, а всего лишь следствием уверенности в своей неуязвимости.

Свой принцип взаимодействия культур я бы рискнул сформулировать так: народы должны общаться посредством своих рационализированных элит и прагматизированных периферий, а соприкосновение национальных тел, их культурных ядер желательно свести к минимуму.

Главные трудности межкультурного общения возникают тогда, когда в соприкосновение вступают массы. Ибо у массового человека есть опасная склонность судить каждую социальную группу по наиболее вредоносным ее представителям. Сегодня у множества простых людей ислам, например, ассоциируется с терроризмом. Чтобы если не устранить это предубеждение полностью, то хотя бы его ослабить, необходимо на эмоционально впечатляющих примерах постоянно демонстрировать, что исламский мир не есть нечто единое, цельное, единодушно поднимающееся на борьбу с неверными, что с этим миром можно вполне успешно сотрудничать, а экстремисты отвергаются большинством своих соотечественников.

Чтобы уменьшить страх одной культуры перед другой, нужно прежде всего изображать вызывающих тревогу соперников слабыми, страдающими, ибо сила всегда вызывает тревогу. И все-таки следует отчетливо сознавать, насколько наивна концепция мультикультурализма, рассчитывающего на мирное равноправное сосуществование многих культур в пределах общего государства: культуры в основе своей направлены не на равенство, а на доминирование, исключительность. Если культура не обеспечивает человека иллюзией, что он является частью чего-то «самого-самого» прекрасного и справедливого, у него исчезает мотив ее защищать, приносить ей даже скромные жертвы. И тогда она обречена на поражение и распад, а принадлежащие ей люди — на ужас ничтожности перед бесконечно огромным и равнодушным мирозданием.

Главная задача культуры и заключается в том, чтобы создать защитный слой иллюзий, ограждающих человека от осознания собственной мизерности. А потому каждой культуре необходим собственный уголок, в котором она ощущала бы себя безраздельной хозяйкой, нужно по возможности избегать культурных «коммуналок». Однако сегодняшняя глобализация создает подобные «коммуналки» в невиданных прежде масштабах, а потому избежать столкновения упрощенных культурных ядер — стол-

¹ Писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург). Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отечественным гробам», «Интернационал дураков» и других, а также 60 научных работ по математике. Ряд литературных произведений переведен на европейские и китайский языки. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя и др.

кновения массовых иллюзий — в пределах одной страны уже практически невозможно.

К счастью, подавляющее большинство мусульман по-прежнему остаются в местах своего традиционного проживания. И чтобы не создавать из них террористов или «сочувствующих», Запад, как более экономически сильный, не должен посягать на их защитные грезы, должен минимизировать культурную экспансию — это можно назвать принципом максимального культурного невмешательства. Западные люди обычно замечают вторжение «чужаков» в свою культурную среду, но не замечают вторжения своих обычаев, нравов, вкусов, образцов и образов в культурную среду тех, чьей агрессии они опасаются. Однако их агрессия порождена ровно тем же самым страхом — окзаться людьми второго сорта в собственном доме.

Каждый человек хотя бы у себя дома должен ощущать себя самым мудрым, самым справедливым и самым уважаемым. Такое возможно лишь в отдельной квартире, но никак не в коммуналке. И современный терроризм в какой-то мере может быть уподоблен высокоидейной коммунальной склоке. Культуры обогащают друг друга только на расстоянии, когда каждая *добровольно* берет у другой то, что ей нравится. Вспомним, как мы любили Запад издавна, как доставали книги Ремарка и Хемингуэя, как почти подпольно развивали джаз и переименовывали улицу Ленина в Бродвей! И какую настороженность, а то и враждебность начал вызывать американский образ жизни, когда россияне начали угадывать в его проникновении в свою культурную среду пренебрежение и принуждение...

Однако приостановить культурную экспансию хотя и трудно, но все-таки возможно, когда речь идет о культурах, разделенных государственными границами. А как быть с культурами, оказавшимися в пределах одного государства вследствие завоеваний или миграций?

Уничтожить борьбу культур за первенство невозможно, можно лишь добиваться первенства в разных сферах, уверяя себя (только про себя, а не вслух), что именно твоя сфера и есть самая главная. Так, чемпион по бегу свысока поглядывает на чемпиона-штангиста, тот отвечает ему взаимностью, и в результате все довольны, пренебрегая ироническим взглядом чемпиона по шахматам.

Это разделение и следует оберегать, не замахиваясь на невозможное — на дружбу народов: индивиды разных национальностей могут дружить сколько угодно, но народы дружить не могут, ибо их порождает стремление не к равенству, а к избранности, скромные народы надолго не задерживаются на исторической арене. Часто слышишь: «Как это не может быть дружбы народов, вот у нас в батарее служили два грузина, один еврей, три казаха... У нас в коммунальной квартире жили два еврея, один грузин, три прибалта!..» Нужно разъяснить, что дружба индивидов и дружба народов — это совершенно разные вещи, что в артели, роте или коммуналке люди не являются представителями своих народов, ибо

народы суть огромные наследственные *структуры*, объединенные коллективными иллюзиями, не выдерживаемыми скептического взгляда чужака, а потому опасаящиеся чужаков.

Простому человеку, который чувствует себя проигравшим какому-то пассионарному чужаку в бытовой ситуации, начинает казаться, что он проиграл всю страну, и он склоняется к лозунгу «Россия для русских». Поэтому *в уверенном доминировании, а следовательно, и миролюбии русских заинтересованы прежде всего национальные меньшинства*.

Для того чтобы представители разных культур могли хотя бы в какой-то степени слышать, входить в положение друг друга, сильные должны осознать свою силу, а слабые — свою слабость. Сильные не должны впадать в истерику, а слабым не следует бросать вызов тем, от чьего миролюбия зависит их судьба. Последнее, правда, наиболее мучительно для национальной гордости меньшинств, и я вовсе не предлагаю им отказаться от нее, то есть исчезнуть. Я предлагаю лишь испытывать эту гордость в тех сферах, где более ценится индивидуальная воля, индивидуальный талант, где можно достичь огромного личного успеха и при этом сделаться предметом любви и гордости русского большинства, как это удалось Муслиму Магомаеву, Махмуду Эсамбаеву, Высоцкому, Окуджаве, Алферову, Слуцкой...

Нужно почаще давать понять простому человеку, что все международные успехи российских ученых, спортсменов, художников в конце концов приписываются русскому народу, подобно тому как славу Петербурга составляют архитектурные шедевры, построенные итальянскими зодчими.

Представители национальных меньшинств могут достигать высоких успехов в культуре большинства, не вызывая ничего, кроме любви и гордости, пока они не ощущаются инородным вторжением в доминирующую культуру: *равенство индивидов вполне возможно, но равенство культур — опасная утопия*, доминирующая культура этого не допустит, только потерпев поражение в гражданской войне. «Кто в доме хозяин?» — этот роковой вопрос надолго заслонит все культурные проблемы. Конкуренция индивидов рождает только раздражение, а конкуренция культур — святую самоотверженную ненависть, ибо утрата чувства коллективной избранности оставляет человека беззащитным перед лицом грозной вечности. Зато если национальные меньшинства будут развивать свою культуру для собственного пользования (для чего все национальные культуры изначально и предназначены), то вполне может оказаться, что — на некотором расстоянии — ею будет очаровано и национальное большинство. Культурные различия приветствуются и заимствуются всеми народами, пока это ощущается как *добровольный выбор* — так в русскую культуру вошли силлабо-тоническое стихосложение, архитектурный классицизм, балет, шашлык и джаз. Но даже слабый намек на принудительность, насильственное вторжение немедленно вызовет реакцию отторжения.

Вообще успехи, позволяющие каждому народу гордиться собой и очаровывать других, создает его национальная аристократия. И потому создание национальной аристократии, ставка на самых одаренных и романтических, — самая мудрая национальная политика. Это наилучшая реализация принципа «вызывать уважение успехами, а не давить на жалость несчастьями». Тем более что ресурсы сочувствия так же ограничены, как и материальные ресурсы, и делят их едва ли не с еще более острыми обидами. Поэтому даже самым многострадальным «малым народам», имевшим несчастье навлечь на себя зависть и настороженность заметной части «большого народа», лучше не ввязываться в это состязание, в котором каждая сторона будет преувеличивать собственные раны и преуменьшать чужие: в любом подобном состязании проиграет тот, кто физически более слаб.

«Малым народам» не стоит забывать о том, о чем в личной жизни с грустью помнит каждый разумный человек: что бы с тобой ни стряслось, у других на первом месте все равно будут оставаться их собственные заботы, и власть, даже благожелательная (насколько власти вообще может быть присуще это свойство), ни из-за какого «малого народа» не станет всерьез ссориться с «большим».

Поэтому даже по вопиющим поводам обращаться за поддержкой к народу и власти следует совершенно по-разному, памятуя о том, что у них совершенно разные цели: у народа на первом месте — гордость, у власти — безопасность. Обращаясь к народу, необходимо подчеркивать его великодушие и безупречность, снимая с него ответственность за действия мерзавцев и психопатов, сколько бы их ни набралось («нацисты не имеют национальности»), и напирая на общую заинтересованность в спокойствии и процветании общей страны (что чистая правда). Власти же убедительно нужно реагировать на то, что, закрывая глаза на «подвиги» нацистов, она навивает больше неприятностей (для себя), чем предотвращает.

Это о разумном поведении народов «малых» по отношению к народам «большим». Для «внутреннего употребления» им можно дать еще один совет: меньше пафоса. Разумеется, преступления против ни в чем не повинных людей необходимо клеймить как бесчеловечные, «про себя», однако, понимая, что они очень человеческие: ощутив хотя бы мнимую угрозу своим воодушевляющим сказкам, ни один народ не сумел избежать безобразных жестокостей. Если не предъявлять к человеческой природе завышенных требований, будет меньше поводов для обид. И если даже человек делается любимцем и гордостью «большого народа», то все равно до конца он никогда не станет своим, своими могут стать разве что его внуки. А этого человека откровенный культурный диалог непременно будет чем-нибудь задевать.

С этим нужно либо смириться, либо уезжать в любой из миров, где человека ждут аналогичные проблемы. Поэтому лучше быть терпимым к тому,

чего избежать все равно не удастся. Правда, это легче провозгласить, чем исполнить: не имитировать терпимость, а быть по-настоящему терпимыми удается только сильным.

Относительный мир между народами в былые времена удавалось установить лишь имперской власти, которая оказывалась сильнее каждого покоренного народа в отдельности и даже сильнее союзов, созданных народами. Правда, такого могущества практически ни одной империи достичь не удалось — ни одна из них не была настолько сильна, чтобы одолеть всех своих вассалов или, по крайней мере, сделать это, не подвергая опасности собственное существование. Отсюда и родился принцип «разделяй и властвуй». А зрелые империи пришли к еще более мудрому принципу (отчетливо, по-видимому, его не формулируя): собирай подати и не трогай культуру. Это и есть наиболее безопасный диалог культур или, по крайней мере, основание к таковому — культурное невмешательство. По возможности не трогай религию, обычаи — словом, ничего из того, что относится к главной человеческой ценности — коллективным иллюзиям. Сохрани за покоренными народами право молиться, как они хотят, жениться, как хотят и на ком угодно, есть, пить, танцевать, одеваться и даже судиться — разумеется, под контролем «федеральной» власти. Лучше всего, если собственная элита будет управлять народами-вассалами, усыпляя ее гордость возможностью входить в элиты «федеральные», тогда как гордость «плебса» будет убаюкана тем, что с чужеземцами в своей будничной жизни ему сталкиваться почти не придется.

О чем-то подобном сегодня рассуждают прагматичные лидеры национальных общин: о праве на собственный суд, разумеется, под присмотром федеральной власти. Иными словами, если община этим правом начинает злоупотреблять, последуют определенные санкции — вплоть до ее лишения этой почетной прерогативы. Но если община обеспечивает правопорядок среди своих сочленов, тогда и ее культурная деятельность станет вызывать более сильную симпатию.

Теоретически добровольные национальные общины и могли бы сделаться теми отдельными кварталами, в которых каждая культура могла бы безмятежно наслаждаться своей избранностью, не раздражая посторонних свои самомнением, открывая им лишь свои общечеловеческие элементы. Вопрос: как предотвратить конфликты между этими «уникальностями»? Ведь мир в былые времена обеспечивался отнюдь не равноправием, а неравноправием: те национальные общины, которым удавалось привести своих членов к миру с социальным окружением, каким-то образом поощрялись, те, которые не сумели обуздать своих жуликов, насильников и экстремистов, лишались этих поощрений...

Все это по силам (как тогда, так и сейчас) осуществить лишь «федеральной», «имперской» элите, заинтересованной в сохранности и процветании многонационального целого. Если же такая элита оказывается неспособной укротить кнутом или

пряником неизбежные амбиции отдельных народов, она открывает путь конфликтам всех со всеми. По крайней мере раньше всегда было так: или все ненавидят центральную власть и представляют, что без нее жили бы в мире и дружбе, или все ссорятся друг с другом и мечтают о центральной власти, у которой они могли бы найти управу на наглость соседей.

Итак, мы приходим к выводу, что для более или менее безопасного диалога культур необходимо реабилитировать выражение «имперское сознание», в определенных кругах уже давно превратившееся в ругательство. Рискну предположить, что *имперское сознание заставляет жертвовать этническими интересами во имя общегосударственного целого*. То есть имперское сознание — вовсе не высшая концентрация национализма, как сегодня многие привыкли считать, а, напротив, его преодоление.

Хочется призвать национальные меньшинства: берегите имперское сознание! Только уверенность народа-хозяина в своей силе и ответственность за многонациональное целое обеспечивает вашу безопасность. Однако одной безопасности недостаточно, есть еще и гордость. Но ведь самоутверждаться

вне сферы борьбы за власть можно во много раз более успешно — собственно за пределами этой коммуналки и начинается самое восхитительное и долговечное! А задирая русское большинство, изображая его естественный патриотизм чем-то низким и зловонным, ставя под сомнение его право на государственное доминирование, вы все равно не добьетесь силового равенства, но лишь пробудите мстительность и национальный реваншизм: скинхеды — это первые и самые убогие «цветочки». Берегите имперское сознание, ибо на смену ему может прийти только националистическое!

Организационные формы взаимоотношений национальных общин с народом доминирующей культуры могут быть разными. Главное — чтобы они служили единой базовой стратегии: *каждая культура должна быть спокойна за фундаментальное, культуурообразующее чувство собственной исключительности, за свое традиционное наследие, в чем бы оно ни заключалось: в территории, социальной функции или образе самой себя, — только в этом случае культуры смогут, не вызывая вражды, обмениваться своими общечеловеческими элементами*.